

Отечник

Л. А. Карпычева

СВЯТАЯ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА ЕЛИСАВЕТА ФЕОДОРОВНА: МОНАХИНЯ ИЛИ ДИАКОНИССА?

Никто не ставит под сомнение почитание св. Елисаветы Феодоровны ни в лике мучениц, пострадавших Христа ради, ни в лике преподобных, достигших святости в монашеском подвижничестве. Кроме того, св. Елисавета, очевидно, может почитаться и как благоверная княгиня, ибо за добродетельное и праведное житие, по слову архиепископа Анастасия (Грибановского), «народный глас еще при жизни нарек ее святой». Представляется также, что великую святую *XX* века, «красоту Церкви Российской», мы можем причислить и к сонму дивных святых жен-диаконисс — Фивы, Олимпиады, Макрины, Павлы, Татианы, и других.

С этой целью постараемся ответить на два вопроса:

1. Имела ли св. Елисавета монашеский постриг?

2. Являются ли церковными и каноничными чины посвящения ее сначала в сестры Марфо-Мариинской обители, а затем в ее настоятельницы?

Окончательно решить второй вопрос не в моих силах и не в моей власти, но высказать по этому поводу свои соображения и недоумения считаю необходимым. На первый же вопрос вполне можно ответить отрицательно, хотя легенда о постриге Елисаветы Феодоровны, причем тайном, принята у нас почти повсеместно как неоспоримый факт. В Тверской епархии, например, распространен «миф» даже о схиигуменстве Великой княгини под именем Алексия. Его возводят то ли к свидетельству инокини Магдалины (бывшей сестры Марфо-Мариинской обители Елены Михайловны Пашкевич), которая ухаживала за о. Сергием (Митрофаном) Сребрянским, духовником Марфо-Мариинской обители, когда он находился в ссылке в селе Владычнем Калининской области, то ли к самому о. Сергию.

Так на чем же, все-таки, основано распространенное убеждение в том, что св. Елисаветы имела монашеский постриг?

Во-первых, на том, что ее теперь именуют исключительно преподобномученицей, а преподобные в лике святых — это обычно те, кто имел монашеский постриг, хотя такового не имели, например, ни великая преподобная Мария Египетская, ни прп. Алексий, человек Божий. Ведь, по слову св. Максима Исповедника, истинным монахом человека делает прежде всего внутреннее монашество. «Внешнего человека, если захотеть, легко соделать монахом, но сделать им внутреннего человека требует немалого подвига».¹ По такому критерию св. Елисавета была, конечно, истинной монахиней.

Во-вторых, на иконах св. Елисавета изображена в чем-то «монашеском», и уже мало кто обращает внимания на то, что, помимо монашеского апостольника, ее голову покрывает, так же как на фотографиях, особое диаконисское покрывало (которого монахини не носили), возложенное на нее в чине посвящения митрополитом Владимиром.

В-третьих, легенда подтверждается единственным аргументом: на груди св. Елисаветы по мученической кончине обнаружили параманный крест. Как известно, такой крест и сам параман возлагается на мантийных монахов при постриге и носится постоянно, даже если они по каким-либо причинам скрывают свой постриг. И если бы действительно такой крест был найден на груди новомученицы сразу после поднятия ее мощей из шахты, то это, безусловно, доказывало бы ее тайное монашество.

Но в наиболее полном жизнеописании св. Елисаветы, составленном Любовью Петровной Миллер на основании скрупулезно, по крупицам, собранных сведений, по источникам, многие из которых нам недоступны, нигде не встречается даже намек на ее монашеский постриг. Более того, в книге Любви Миллер приводятся факты, которые прямо этому противоречат. Но в ней же мы и найдем несколько фраз, которые, при ложном их истолковании, и послужили источником легенды: «Обе мученицы были одеты в черные монашеские облачения. У св. Великой княгини апостольник был перекинут через голову так, что закрывал лицо. На ее груди был обнаружен параманный крест. В руках она держала четки. На шее у нее был простой металлический крестик».²

Однако здесь в жизнеописании говорится об обнаружении монашеского параманного креста не после поднятия мощей из шахты, а при вскрытии гробниц святых Елисаветы и Варвары в 1981 г. Приведенная цитата, насколько можно судить, близко к тексту пересказывают заключение специальной комиссии РПЦЗ во главе с начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме, производившей вскрытие мощей. Эта комиссия работала за несколько месяцев до Архиерейского Собора РПЦЗ, на котором состоялось торжество прославления всех новомучеников и исповедников Российских. В преддверии этого исторического события было решено доставить единственные оказавшиеся за рубежом мощи новомучеников, что и было главной целью работы комиссии. В синодальный собор РПЦЗ в Нью-Йорке, освященный во имя иконы Знамения Божией Матери, был доставлен ковчег с десницей (кистью руки) св. Елисаветы и костью руки св. Варвары. Именно пред этими святыми мощами Елисаветы и Варвары во время торжества прославления всех новомучеников и исповедников Российских служилась им последняя панихида, сменившаяся торжественным возданным им «величанием».

¹ Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. М., 1993. С. 139.

² Миллер Л. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. 2001. С. 270.

Поначалу РПЦЗ не именовала преподобномученицами ни св. Елисавету, ни св. Варвару. 1 мая 1982 г. при перенесении их мощей из склепа-усыпальницы, где они до сих пор почивали, в храм св. Марии Магдалины, на ектиниях возглашалось: «Ко святым новомученицам Великой княгине Елизавете и инокине Варваре помолимся».¹ В тогда же составленных тропаре и кондаке она также не называется преподобной.

Первая икона св. Елисаветы, написанная ко дню прославления всех новомучеников и исповедников Российских, имеет надписание: «Святая мученица благоверная великая княгиня Елисавета».²

Однако позднее обе святые — и Елисавета, и Варвара — стали именоваться исключительно преподобномученицами и в РПЦЗ, и РПЦ МП, и постепенно в «массовом» церковном сознании укрепилась мысль о несомненном принятии ими монашеского пострига.

Но вернемся к фактам. По данным следствия, при поднятии тел алапаевских мучеников на груди Великой княгини была обнаружена икона Спасителя.³

Возможно, это был образ Спаса Нерукотворного, которым Император Александр III благословил свою невестку при переходе ее в православие. На теле новомученицы был найден и кипарисовый настоятельский крест на такой же деревянной цепочке,⁴ возложенный на нее митрополитом Московским Владимиром при посвящении в настоятельницы Марфо-Мариинской обители. Этот крест остался где-то в России. О парамане же и параманном кресте никто не упоминает. Вряд ли он был сорван палачами, так как известно, что с алапаевскими узниками обращались гуманно и им даже разрешали ходить без охраны в церковь. Все тела убиенных были в одежде. В карманах у них остались документы и личные вещи.⁵ Никаких следов грабежа и издевательств перед казнью не отмечено.

Св. прпмц. Великая княгиня Елисавета Феодоровна в облачении настоятельницы Марфо-Мариинской обители милосердия

¹ *Миллер Л.* Указ. соч. С. 274.

² Там же, с. 269.

³ Там же, с. 244; *Белевская-Жуковская М.* Великая княгиня Елисавета Феодоровна // Материалы к житию преподобномученицы Великой княгини Елисаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 135.

⁴ *Миллер Л.* Указ. соч. С. 250.

⁵ Там же, с. 238.

Сестры милосердия за работой в лазарете им. Царевича Алексея Николаевича, устроенном на 1000 мест в залах Зимнего дворца. 1914 г. Фотограф Я. В. Штейнберг

По мученической кончине Великой княгини ее тайное монашество должен был бы открыть ее последний духовник — игумен Серафимо-Алексеевского скита о. Серафим или священники алапаевской церкви, куда она имела возможность ходить. Тогда Елисавета Феодоровна была бы «отпета» так, как ей подобало по монашескому чину, и уже перед «отпеванием» облачена в монашеские одежды. Однако, по воспоминаниям современников события, над Марфо-Мариинскими подвижницами вместе с другими шестью алапаевскими новомучениками было совершено «последование погребения мирских человек». Тела всех пострадавших были обмыты, покрыты белыми саванами и положены в простые гробы.¹ После «отпевания» в кладбищенской церкви 19 октября 1918 г. состоялось их захоронение в склепе при Свято-Троицком соборе Алапаевска. Вскоре, при наступлении красных, о. Серафим, исполняя последнюю просьбу Елизаветы Феодоровны о христианском ее погребении, 1 июля 1919 г. повез все 8 гробов по Восточно-Сибирской железной дороге в Читу. Здесь гробы, чтобы не узнали большевики, были тайно схоронены в одной из келий в женском Покровском монастыре. Для этого в кельи были сняты половые доски и вырыта широкая могила. Перед этим погребением монахини впервые облачили мощи святых Елисаветы и Варвары в монашеское одеяние. Возможно, это было

¹ *Миллер Л. Указ. соч. С. 247.*

сделано в целях конспирации. Через полгода о. Серафим доставил гробы марфо-мариинских подвижниц через Китай и Порт-Саид в Иерусалим. На погребение своей сестры и ее верной спутницы Варвары прибыла родная сестра Елизаветы Феодоровны принцесса Виктория, маркиза Мильфорд-Хевен. При встрече с ней о. Серафим ни словом не обмолвился о монашестве Великой княгини.

Принцесса Виктория 7 января 1921 г. писала брату Эрнесту: «Монах сказал мне, что, когда гробы надо было скрыть на несколько месяцев, прежде чем они могли покинуть Сибирь, они были спрятаны в женском монастыре, где их открыли, так как это было необходимо, и тело нашей Эллы не было подвергнуто тлению, а только высохло. Монахини обмыли его и переменяли погребальные одежды в монашеское одеяние. И таким образом, она теперь одета так, как она хотела быть, поскольку она всегда собиралась, как она мне говорила раньше, совершенно уйти из мира и закончить свои дни монахиней, — после того, как ее Дом (Марфо-Мариинская обитель — *Л. М.*) был бы окончательно устроен».¹ Это письмо, хранящееся в Великогерцогском Гессенском архиве Дармштадта, ясно противоречит легенде о монашеском постриге Великой княгини.

Но более всего против этой легенды свидетельствуют те устремления и та идея, которыми св. Елисавета жила последние десять лет земной жизни. Свою Марфо-Мариинскую обитель она хотела определить «как обитель диаконического служения, а сестер как диаконисе,² называя их этим именем в том же смысле, в каком их называет правило 19 Первого Карфагенского Собора (то есть по силе данных обетов и по одеянию)».³ Сестры обители как церковные служительницы призваны были сами идти в мир к страждущим и всем нуждающимся в духовной и телесной помощи.

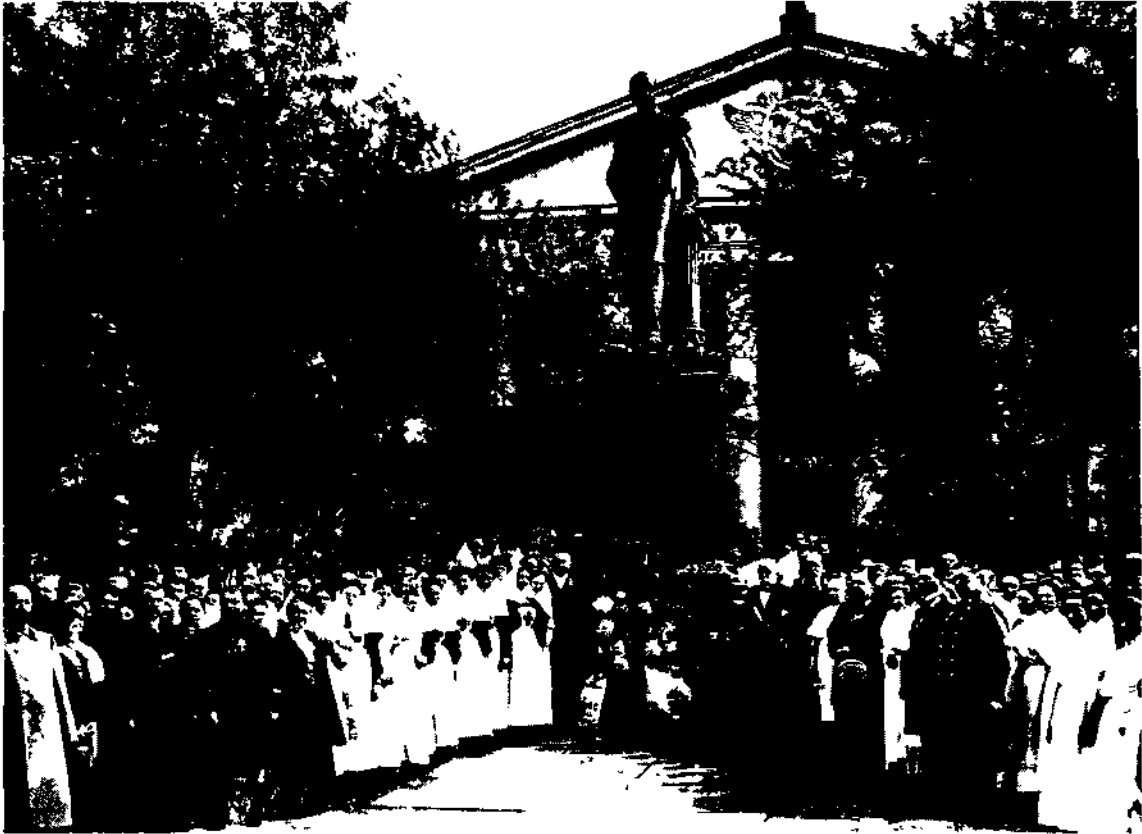
Монашество для этой цели Елизавета Феодоровна считала непригодным: «Я принципиально против монахинь, выходящих на служение ближнему в мир, в чем со мной согласны некоторые Иерархи»,⁴ — писала она. Популярно эту мысль о разнице монашеского и диаконисского пути изложил о. Митрофан Серебрянский: «Монашество спасается и спасает более подвигом внутреннего усиленного молитвенного, самоуглубленного и созерцательного

¹ *Миллер Л.* Указ. соч. С. 254–255.

² Диаконисса — женщина-диакон в древней Церкви. Д. исполняли следующие обязанности: 1) готовили женщин к принятию Крещения и помогали священнослужителям во время самого Крещения; 2) исполняли поручения епископов, посещая больных и бедных; 4) стоя у дверей храма, пропускали входящих в него женщин и следили за их поведением во время богослужения. В Апостольских постановлениях (IV в.) сохранились остатки очень древнего чина посвящения Д. Д. причислялись к клиру и посвящались через особое рукоположение. Во время посвящения Д. епископ, сняв омофор, возлагал на шею Д. диаконский орарь, который она носила обоими концами вперед. Причащались Д. после диаконов, приняв Чашу из рук епископа, они сами ставили ее на престол. Возможно, имелось два чина Д.: рукоположенных и «по одеянию», давших обет безбрачия. Чин Д. часто упоминается в Правилах соборов и церковно-канонических документах (IV Вселенский Собор, пр. 15; VI Всел. Собор, пр. 14, 40 и 48; Василий Великий, пр. 24; VI новелла Юстиниана и другие). На Западе чин Д. перестал существовать с V–VI вв., а на Востоке последнее упоминание о Д. относится к XII веку.

³ *Романова Елизавета Феодоровна, Великая княгиня.* Пояснительная записка о задачах и целях открываемой в Москве Марфо-мариинской Обители Милосердия // *Вдали* от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 76.

⁴ Великая княгиня Елизавета Феодоровна — Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому // *Вдали* от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 63.

Сестры милосердия и воспитанники приюта П. Г. Ольденбургского у памятника Ольденбургскому в день его 100-летия. Памятник поставлен у Мариинской больницы, попечителем которой принц, П. Г. Ольденбургский являлся более сорока лет. 1912 г. Фотограф Була

труда... Диакониссы служили Богу, спасали ближних и души свои более деятельной любовью, трудом милосердия для бедного, падшего, темного и скорбного человека».¹

Такое понимание монашества как исключительно уединенного *созерцательного* подвижничества, преобладавшее в российском обществе того времени, было односторонним. Свт. Василий Великий об отношении истинного монаха к миру, под которым святые отцы, прежде всего, понимали наши страсти, писал: «Имея собственное тело приютом и безопасным пристанищем души, хотя бы и случилось ему [монаху] быть на рынке, или в торжественном собрании, или на горе, или в поле, или среди народного множества, всегда заключен [он] в этом естественном своем монастыре, собирая ум свой и любомудрствуя. Можно... и находясь на рынке, но соблюдая трезвение, быть как бы в пустыне, обращаясь к самому себе и Богу и не воспринимать чувствами тех мятежей, какие производятся в душе чувственными предметами».²

¹ *Сребрянский Митрофан, протоиерей.* Пояснительное слово // Материалы к житию преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 177-178.

² Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кессарии Каподокийския. Т. V. С. 371.

Сестры милосердия у постаumenta памятника П. Г. Ольденбургскому. 1999 г.

«Антиномия» созерцательного и деятельного монашества как двух видов аскетизма такая же древняя, как и само монашество, и отражена в одном из рассказов Лавсаика под названием «О Паисии и Исайи». Два брата, получившие богатое наследство, распорядились им по-разному. Паисии раздал все и преуспел в подвижничестве и молитве. Исайя же устроил себе монастырь, прославленный своей благотворительностью, на деньги, полученные в наследство. По смерти братьев монахи заспорили, чье житие совершеннее. Прп. Памва рассудил, что оба брата равно совершенны и в откровении от Бога «видел их обоих стоящими вместе перед Богом в раю».¹

О созерцательном и деятельном монашестве на рубеже XIX—XX вв. в церковных академических кругах и в публицистике велась оживленная дискуссия, которая требует особого рассмотрения. Здесь можно указать лишь на то, что фактически уже с середины XVIII века в самом русском монашестве, особенно в женском, постепенно возрождался *деятельный* идеал. Яркими примерами тому служат два женских монастыря. Один из них — Покровский — был основан Великой княгиней Александрой Петровной (в иночестве Анастасией) в 1881 г. в Киеве. В этом монастыре строгий Студийский устав сочетался с больничным делом, поставленным так, что монастырская хирургическая больница приводила в восхищение европейских врачей. Женщин, желающих поступить в Киево-Покровский монастырь вскоре после его открытия, было в пять раз больше, чем он мог вместить.

¹ Палладий, епископ Елеонопольский. Лавсаик или Повествования о жизни святых блаженных отцов / Пер. с греч. СПб., 1873. (Репринт: М., 1992). С. 28–30.

Другим крупным *деятельным* монастырем стал Леснинский монастырь, основанный м. Екатериной (графиней Евгенией Борисовной Ефимовской). В отличие от Покровского, в котором деятельность монахинь все же ограничивалась стенами самого монастыря, Леснинский монастырь вышел из своей ограды многочисленными благотворительными и воспитательными заведениями, превратившись в «женскую Лавру». Именно игуменья Екатерина первой всерьез поставила вопрос о восстановлении чина диаконисе в Церкви и представила об этом в Предсоборное Присутствие обстоятельную записку. Она понимала, что в ближайшее время добиться восстановления такого чина будет невозможно, поэтому вместо общины диаконисе устроила свой деятельный монастырь. На учреждение такого монастыря ее благословил св. прп. Амвросий Оптинский словами: «Новый монастырь по-новому и устрой!»¹ Но вместе с тем раздавались и голоса противников таких обителей. «Маститый издатель Троицких листков преосв. Никон, епископ Серпуховской, неоднократно высказывался в печати, что Леснинскую обитель и ей подобные обители можно признать полезными и почтенными, но называть их монастырями не должно, ибо они преследуют цели мирские, благотворительные, чуждые монашеству», — писала м. Екатерина.²

В Предсоборном Присутствии IV отделом 21 марта 1906 г. было принято постановление о желательности восстановления чина диаконисе, посвященных по древнему чину.³

Св. Елисавета, конечно, знала об этих деятельных монастырях, но в соответствии с идеалом *созерцательного* монашества считала, что постричься в монахини ей можно будет только отойдя от всех дел, на склоне лет. В этом убеждении ее поддерживал о. Митрофан Сребрянский, получивший благословение от своего духовника о. Алексея, старца Зосимовой пустыни, принять должность в такой именно обители, какой ее изначально замыслила Елизавета Феодоровна. Перед принятием своих обетов, весной 1909 г., она сама впервые повстречалась с о. Алексием и в дальнейшем прибегала к советам старца. Она предполагала устроить при обители скит, где она и другие сестры, принявшие постриг, жили бы по строгому монастырскому уставу. По представлениям Великой княгини, в древности диакониссы по одеянию, достигнув 60 лет, получали рукоположение. Она же писала: «Вместо этого, по Уставу нашей Обители, им предложено будет принять мантию и удалиться в наш скит (вдали от города)».⁴

О намерении Елизаветы Феодоровны окончить свою земную жизнь в затворе, в скиту, писала в своих воспоминаниях ее племянница, Великая княгиня Мария Павловна. Она же свидетельствует, что в этом случае Елизавета Феодоровна хотела передать управление обителью ей, своей воспитаннице.⁵

До конца своих дней Елизавета Феодоровна оставалась прежде всего настоятельницей Марфо-Мариинской обители, согласно принятому ею обету. Чин поставления

¹ *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 104.

² *Белякова Е. В.* Обсуждение вопроса о диакониссах на Поместном Соборе 1917—1918 гг. // Церковно-исторический вестник. № 8. М., 2001. С. 141.

³ Предсоборное Присутствие. Т. IV. Отд. IV. С. 83—86.

⁴ Великая княгиня Елизавета Феодоровна — Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 63.

⁵ *Миллер Л.* Указ. соч. С. 171.

настоятельницы Марфо-Мариинской обители был написан рукой Великой матушки и после небольшой правки утвержден митрополитом Московским Владимиром и Святейшим Синодом. Митрополит Владимир и совершил поставление (то есть церковное посвящение) св. Елисаветы в настоятельницы во время литургии 10 апреля 1910 г.

Как настоятельница обители она обещалась «в течение прочих лет жизни... даже до кончины... вся силы души и теле... принести на служение Богу в ближних, управляючи Марфо-Мариинскою обителью по Уставу Святой Православной Церкви и по чистой совести». Разрешиться от данного обета она хотела лишь уйдя на покой с принятием монашеского пострига.

В годину тяжких испытаний св. Елисавета не могла сложить с себя обязанности настоятельницы обители, духовной матери всех ее сестер. Она категорически отказалась от возможности спасти свою жизнь в начале лета 1917 г. и тайно выехать из России по предложению кайзера Вильгельма, переданному ей шведским министром. Отвергла она и другие возможности избежать мученического креста, который уже явно прозревала. По пути в ссылку, к своей Голгофе, она пишет своим духовным дочерям письма, преисполненные истинной материнской любовью и мудростью, подписывая их: «Ваша постоянная богомолица и любящая мать во Христе. Матушка». Найденный при св. Елисавете настоятельский крест — свидетельство того, что она не нарушила своего обета.

Великой княгине не удалось добиться окончательного присвоения сестрам Марфо-Мариинской обители звания диаконисе. Этот вопрос, представленный Московским митрополитом Владимиром, рассматривался на заседаниях Святейшего Синода дважды: 9 ноября и 9 декабря 1911 г. Следует заметить, что сама обитель была уже ранее утверждена Святейшим Синодом как церковное епархиальное учреждение при митрополите Московском. Большинство — 7 из 9 — архиереев, присутствующих в Синоде, постановили «усвоить искомое звание» сестрам обители. Среди них: митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), епископ Холмский Евлогий (Георгиевский). «За» высказался также обер-прокурор В. К. Саблер. При особом мнении оказался митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский): «Пока не восстановлен чин диаконисе

Покровская община. После посвящения в сестры с настоятелем Князь-Владимирского собора о. Владимиром Сорокиным. 14 октября 2002 г.

в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской обители не может быть усвоено именование диаконисе, в чине которых они не состоят». Резко против наименования «диако-ниссы» выступил епископ Саратовский Гермоген (Долганов), усмотрев в том нарушение канонов и подражание протестантам. Последнее слово было сказано Императором Николаем II: «Всецело разделяю мнение митрополита Петербургского Антония».¹ Таким образом, вопрос откладывался до Поместного собора.

Но тогда можно задаться вопросом, а в каком же чине и звании состояли сестры обители? В брошюре «Марфо-Мариинская Обитель Милосердия», изданной самой обителью, пишется: «В общем сестер Марфо-Мариинской обители можно назвать церковными сестрами».² Известно, что простые москвичи называли насельниц обители диако-ниссами, но по обновленному уставу сестер, принявших обет, стали называть «крестовыми». Канонический статус такого именованья в церковной организации, каковой Синод признал обитель милосердия, был еще более неопределенным. Если чин диаконисе все-таки существовал в Православной Церкви, и при этом никто его не отменял и не запрещал, то никаких званий и чинов «церковных сестер», «крестовых сестер» Церковь не знала.

Правда, крестовые сестры уже существовали в некоторых старейших общинах сестер милосердия.³ Но эти общины были учреждениями частной и общественной благотворительности, а церковный «компонент» присутствовал в них с необходимостью, как это требовалось в России, где православие было государственной религией. Уставы общин утверждались сначала Императором, а позднее Министерством внутренних дел, а не Святейшим Синодом. В старейших общинах (приблизительно в 5 из 120 существовавших вообще в России) сестра милосердия давала обещание служить в данной общине «доколе сил моих достанет», после чего на нее возлагался крест. По сути это обещание представляло собой гражданскую служебную присягу, хотя она и приносилась в церкви, и не имело силы подлинного церковного обета, а сам обряд не был церковным посвящением (поставлением). В остальных общинах, принадлежавших Российскому Обществу Красного Креста, таких присяг и вовсе не принималось.⁴

¹ Постернак А. В. К вопросу о присвоении сестрам Обители звания диаконисе // Материалы к житию преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 225–233.

² Марфо-Мариинская Обитель милосердия // Материалы к житию преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 224.

³ Сестры милосердия — калька с французского *sœurs, filles de charité, de la miséricorde*, названия католической конгрегации, созданной католическими святыми Викетием де Полем и Луизой де Марийяк ле Гра в XVII веке. В нем отражен своеобразный культ родства Предмету особого почитания, свойственный католическим орденам и конгрегациям: Дочери (сестры) Милосердия, Дочери Страстей Христовых, Сыновья Непорочного Сердца Девы Марии и т. п. *Сестра милосердия* звучало поначалу совсем не по-русски, и народ переименовывал — *милосердная сестра*. В России первая — петербургская Свято-Троицкая — община сестер милосердия была основана Великими княгинями Александрой Николаевной и Марией Николаевной и Петром и Терезой Ольденбургскими в 1844 г. как частное благотворительное заведение. Община имела межконфессиональный состав из православных, лютеранок и католичек, возглавляемых англичанкой-«квакершей» Саррой Биллер.

⁴ Карпычева Л. А. Общины сестер милосердия и православная Церковь // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2005 (в печати).

Св. Елисавета *лучше* многих осознавала нецерковность общин сестер милосердия и не раз подчеркивала их светский характер. «Мне бы также не хотелось обращать мою Обитель в обыкновенную общину сестер Милосердия, так как во-первых там только одно медицинское дело, а другие виды вовсе не затронуты, и во-вторых нет церковной организации, и духовная жизнь на втором плане, тогда как должно быть совершенно наоборот».¹

В то время как на Западе католические сестры милосердия и протестантские диакониссы имели ярко выраженную церковную принадлежность, и по чину и по званию, в до-революционной России сестра милосердия — название медицинской профессии. Поэтому и добивалась св. Елисавета восстановления звания и чина диаконисе, чтобы сделать, как она писала, «наше положение в стране более ясным: мы организация Православной Церкви».² И еще: «Это начинание должно занять "определенное место" в Церкви, иначе оно будет колебаться и после моей смерти, кто знает, скорее всего превратиться в **монастырь** или "светск<ую> общину"».³

Чин посвящения в Марфо-Мариинской обители был совершенно особым. В его разработке приняла участие сама Елизавета Феодоровна, затем он был исправлен митрополитом Московским Владимиром и утвержден Святейшим Синодом.

После решения Императора Николая II митрополит Владимир оставил этот чин без особых изменений, считая, видимо, что поскольку Марфо-Мариинская обитель находится в его ведении, а Синод утвержденного чина посвящения не отменил, то временно он вполне законен.

Профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии А. А. Дмитриевский, горячо поддержавший Великую княгиню в осуществлении ее идеи, писал, что чин посвящения сестер обители не представляет собой чего-либо оригинального, так как в основе его лежат «последования малого образа еже есть мантия, но без пострижения власов».⁴

Чин, действительно, по общему последованию напоминает чин пострижения в малую схиму или мантию, но при этом имеет и существенные отличия. Полное его именование «Чин, како примати обет сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия».⁵ Первый раз он совершался 9 апреля 1909 г. викарным епископом Трифоном (Туркестановым) во время всенощного бдения после великого славословия. Смысл всего богослужения раскрывается в тропаре, его предваряющем. Вместо «Объятия Отча...» при возжигании свеч пелся особый, составленный для чина тропарь: «Во иго Твое спасительное прими мя, Христе, рабу Твою: Ты бо на Кресте излианною кровию, не точию словом Твоим, любовь ко ближним нам еси заповедал имети. Не презри убо мене, претекшую Ти ныне: и открой сердце мое, Спасе, любви Твоей, яко да во образе ближних Тебе послуживши спасуся».⁶

¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна — Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 63.

² Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны к Николаю II // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 56.

³ Письма великой княгини к Николаю II // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 52.

⁴ *Дмитриевский А. А.* О диакониссах. Доклад Святейшему Синоду Русской Православной Церкви // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 136.

⁵ *Романова Елисавета Феодоровна, Великая княгиня.* Чин, како примати обет сестрам Марфо-Мариинской Обители милосердия. Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород. 1996. С. 115—117.

⁶ В публикации ошибочно: «спасутся».

Сестры Покровской общины у мощей свв. прмци. Великой княгини Елисаветы и инокини Варвары в Мариинской больнице. 15 февраля 2005 г.

В ответ на вопрошание архиерея сестры дают обет «вольного служения Богу в ближних», а также обещаются «нерушимо хранить святую веру Христову, уставы святых Церкви православных, целомудрие, нестяжание и послушание настоятельнице». К основному обету здесь, как мы видим, добавляется три монашеских. Обет именуется архиереем священным. Для Елисаветы Феодоровны и некоторых сестер он был пожизненным, но мог приниматься и на какое-то определенное количество лет. Весь чин требует подробного рассмотрения, здесь же отметим, что весь он пронизан одной идеей — посвящением сестер для церковного служения (диаконии) Богу в ближних. Если признается каноничность этого чина и действенность обетов, то, по сути, св. Елисавета являлась и церковной служительницей (диакониссой).

Поскольку все богослужение напоминало монашеский постриг, до конца которого сестры стояли с возженными свечами, а потом оставались в храме на ночь, некоторые из свидетелей называли его постригом.¹

В заключение следует сказать, что на Поместном Соборе 1917—18 гг. вопрос о введении чина диаконисе обсуждался в Отделе церковной дисциплины, в ведении которого находилось и рассмотрение некоторых канонических вопросов. Отдел, принимая во внимание мнения проф. С. В. Троцкого, протоиерея Ф. Успенского, митрополита Владимира (к этому времени принявшего мученическую кончину) и протоиерея Митрофана Сребрянского, счел нужным восстановить этот чин. Свое заключение, начинающееся словами: «В Русской Православной Церкви учреждается чин диаконисе

¹ *Балуева-Арсеньева Н.* Великая княгиня Елизавета Феодоровна (Из личных воспоминаний) // *Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елисаветы. Письма, воспоминания, документы.* М., 1995. С. 132.

применительно к тому виду, в каком он существовал в древней Церкви»,¹ — Отдел представил Собору. В приложении к докладу предлагался чин поставления в диакониссы с хиротонией как во диаконы. В нем оговаривается, что архиерей «не повелевает служить ей Св. Тайнам... Во время причащения она причащается Св. Таин после диаконов. Затем она принимает потир из рук архиерейских, но никому не преподает Св. Таин, а тотчас поставляет его на престоле».²

Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. не успел рассмотреть вопроса об учреждении чина диакониссе.

* * *

Обращение автора к дискуссионной теме диакониссе обусловлено не столько интересом к истории, сколько размышлением над практическим опытом современных сестер милосердия, в том числе и собственным в составе Санкт-Петербургской Покровской общины. Более десяти лет назад мы, вдохновленные примером св. Елизаветы, тоже захотели послужить «Богу в ближних» и, сначала более увлеченные практическими делами, незаметно стали участниками возрождения «института сестер милосердия»,³ плохо представляя себе, каким он был. Изучение истории этого вопроса показывает, что в России не было церковного института сестер милосердия, несмотря на несколько неудачных попыток его «воцерковления». Почти все общины сестер милосердия находились в ведомстве Российского Общества Красного Креста, основной целью их была подготовка женского медицинского персонала. Поэтому сегодня сестрами милосердия, и не без основания, называют себя медицинские сестры, социальные работники, труженицы Красного Креста, возрождающие нравственные основы своей профессии. И теперь уже можно вслед за св. Елизаветой Феодоровной повторить: «Мы хотим, чтобы наше положение в стране стало ясным». Ведь само понятие «институт» предполагает твердое основание и определенность. Модель этого «института» в 1991 г. была разработана в Москве настоятелем и прихожанами храма св. Царевича Дмитрия при 1-й Градской больнице и Православным Свято-Димитриевским училищем сестер милосердия. Москвичи определили, что сестры милосердия — это «православные медицинские сестры», в основном со средним специальным образованием, а также «требные» сестры, помогающие священнику совершать таинства в больницах и на дому. В дополнение к основным учебным программам будущие сестры милосердия слушают курс ДОМ (так в училище называют предмет «Духовные основы милосердия»). Подобно тому, как посвящают в профессию медсестры, возникло и посвящение в сестры милосердия, только с молебном на начало благого дела и с вручением отличительных знаков (косынок, форменных платьев). Выпускницы училища — сестры в основном поступали на работу в 1-ю Градскую больницу, образовав сестричество.

¹ *Белякова Е. В. Белякова Н. А.* Обсуждение вопроса о диакониссах на Соборе 1917—1918 гг. // Церковно-исторический вестник. № 8. М., 2001. С. 150.

² Там же. С. 158–159.

³ Официально о возрождении института сестер милосердия говорилось на Архиерейском соборе РПЦ в 1994 г. (Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород, 1996. С. 172 — 173).

На столичную модель ориентировались некоторые сестричества в других городах России: Архангельске, Екатеринбурге, Кемерово, Краснодаре, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге и др. Но при ограниченности финансовых и людских ресурсов устраивали полугодовые курсы, дающие право работать младшими медсестрами, а то и просто санитарками. Во многих случаях дальнейшая работа сестер слабо продумана, организована и обеспечена. Поэтому она все менее привлекательна, особенно для молодых, дееспособных женщин, которых уже не заманишь на тяжелую работу пафосными призывами к «служению» и романтическим образом «сестры милосердия». Желающих поступать в училища и на курсы все меньше, как и желающих работать.

Столичная идея «института сестер милосердия» в других городах и глубинке зачастую воспринимается по-своему, поскольку не все внутренне согласны с такой «православно-профессиональной» его концепцией. При отсутствии церковных определений, разъясняющих положение, задачи и звание сестер милосердия изобретаются псевдонаучные «Законы создания и функционирования сестриществ милосердия». Из них первый закон гласит: «На первом месте духовный руководитель. От его личности многое зависит». Возникают и другие тревожные и болезненные симптомы. Народно-приходское творчество порождает разнообразные самодельные «чины», «обеты» и «степени посвящения» сестер с разноцветными фартучками и кофточками, более уместными в масонских ложах. Мало того, плоды такого творчества в качестве образцов предлагаются в учебнике для сестер милосердия, распространяемом по всей России. Где-то уже принимают «посвящение по Марфо-Мариинскому чину» в «адаптированном» виде, невзирая на то, что он был временным, утвержденным только для Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве.

Беда еще и в том, что в нашем современном языке и сознании понятия «служение» и «посвящение» давно уже «пали», обезценились, так что часто уже не различить их церковного и светского значения. Многие сестры уверены в том, что они уже «служат» и «посвящены» в церковном смысле, ведь им этого так хочется, и некоторые священники этому способствуют.

На сайте Санкт-Петербургской митрополии помещена фотография с подписью: «Поставление новой сестры...» в одном из сестриществ, где сестра стоит со свечой, как положено в «Марфо-Мариинском чине». В другом сестричестве молодой батюшка доверяет «посвященным» сестрам держать Потир в больничной палате со словами: «Вы у меня как диакониссы». Словом, там, где нет чина, начинаются без-чинства.

Один из ковчегов с мощами св. Елисаветы и Варвары, которые прибыли в Санкт-Петербург 15 января 2005 г, на Святки, сопровождали два «форменных» казака, два «форменных» скаута и две «форменных» сестры милосердия.

Прости нас, Матушка Великая.

* * *

Общественная благотворительная организация «Покровская община» приглашает на работу сестер милосердия, а также добровольных помощников в свободное от основной работы время. Обращаться по телефону 275-37-40.